КОНСТАНТИН СИМОНОВ

Стихи 1941 года

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“
№ 4
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“
МОСКВА — 1942

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

СТИХИ 1941 ГОДА

Издательство „Правда"

Москва — 1942

Отв. редактор Е. ПЕТРОВ

Издательство „Правда" Изд. № 74

А50116 Заказ типогр. 67 Тираж 150 000 экз.

Формат бумаги 105×148 мм. Печ. л. 1½ Зн. в 1 п. л. 43 200.

Цена 20 коп. Подписано к печати 4/II 1942 г.

Типография «Красное знамя», Москва, Сущевская, 21

СУРОВАЯ ГОДОВЩИНА

Товарищ Сталин, слышишь ли ты нас?
Ты должен слышать нас, мы это знаем:
Не мать, не сына—в этот грозный час
Тебя мы самым первым вспоминаем.
Еще такой суровой годовщины
Никто из нас не знал за жизнь свою,
Но сердце настоящего мужчины
Лишь крепче закаляется в бою.
В дни празднеств, проходя перед тобою,
Не думая о горестях войны,
Кто знал из нас, что будем мы судьбою
С тобою в этот день разлучены?..
Так знай же, что в жестокий час разлуки
Лишь тверже настоящие сердца,
Лишь крепче в клятве могут сжаться руки,
Лишь лучше помнят сыновья отца.
Все те, кто праздник наш привык с тобою
В былые дни встречать у стен Кремля,

Встречают этот день на поле боя,
И кровью их обагрена земля.
Они везде: от пламенного Юга,
От укреплений под родной Москвой,
До наших мест, где северная вьюга
В окопе заметает с головой.
И если в этот день мы не рядами
По праздничным шагаем площадям,
А, пробивая путь себе штыками,
Ползем вперед по снегу и камням,
Пускай Информбюро включает в сводку,
Что нынче, лишних слов не говоря,
Свой штык врагу втыкая молча в глотку,
Мы отмечаем праздник Октября.
А те из нас, кто в этот день в сраженьи
Во славу милой родины падет,—
В их взоре, как последнее виденье,
Сегодня площадь Красная пройдет.
Товарищ Сталин, сердцем и душою
С тобою до конца твои сыны,
Мы твердо верим, что придем с тобою
К победному решению войны.
Ни жертвы, ни потери, ни страданья
Народную любовь не охладят —
Лишь укрепляют дружбу испытанья,
И битвы верность русскую крепят.
Мы знаем, что еще на площадь выйдем,
Добыв победу собственной рукой,

Мы знаем, что тебя еще увидим
Над праздничной народною рекой.
Как наше счастье, мы увидим снова
Твою шинель солдатской простоты,
Твои родные, после битв суровых
Немного постаревшие черты.

СЫН АРТИЛЛЕРИСТА

Фронтовая поэма

Был у майора Деева
Товарищ — майор Петров,—
Дружили еще с гражданской
Еще с двадцатых годов,
Вместе рубали белых
Шашками на скаку,
Вместе потом служили
В артиллерийском полку.

А у майора Петрова
Был Ленька, любимый сын,
Без матери, при казарме,
Рос мальчишка один.
И если Петров в отъезде, —
Бывало, вместо отца
Друг его оставался
Для этого сорванца.

Вызовет Деев Леньку:
— А ну, поедем гулять:
Сыну артиллериста
Пора к коню привыкать!
С Ленькой вдвоем поедет
В рысь, а потом в карьер.
Бывало, Ленька спасует,
Взять не сможет барьер,
Свалится и захнычет.
— Понятно, еще малец! —
Деев его поднимает,
Словно второй отец.
Подсадит снова на лошадь:
— Учись, брат, барьеры брать!
Держись, мой мальчик: на свете
Два раза не умирать.
Ничто нас в жизни не может
Вышибить из седла!
Такая уж поговорка
У майора была.

Прошло еще два—три года,
И в стороны унесло
Деева и Петрова
Военное ремесло.

Уехал Деев на Север
И даже адрес забыл.

Увидеться — это б здорово!
А писем он не любил.
Но от того, должно быть,
Что сам уж детей не ждал,
О Леньке с какой-то грустью
Иногда вспоминал.

Десять лет пролетело.
Вдруг кончилась тишина,
Внезапно загрохотала
Над родиною война.
Деев дрался на севере;
В полярной глуши своей
Иногда по газетам
Искал имена друзей.

Однажды нашел Петрова:
«Значит, жив и здоров!»
В газете его хвалили,
На юге дрался Петров.
Потом, приехавши с юга,
Кто-то сказал ему,
Что Петров, Николай Егорыч,
Геройски погиб в Крыму.

Деев вынул газету,
Спросил: «Какого числа?» —
И с грустью понял, что почта

Сюда слишком долго шла...
А вскоре в один из пасмурных
Северных вечеров
К Дееву в полк назначен
Был лейтенант Петров.

Деев сидел над картой
При двух чадящих свечах.
Вошел высокий военный,
Косая сажень в плечах.
В первые две минуты
Майор его не узнал,
Лишь голос у лейтенанта
О чем-то напоминал.

— А ну, повернитесь к свету, —
И свечку к нему полнес.
Все те же детские губы,
Тот же курносый нос.
А что усы — так ведь это
Сбрить! — и весь разговор.
— Ленька? — Так точно, Ленька,
Он самый, товарищ майор!

— Значит, окончил школу.
Будем вместе служить.
Жаль, до такого счастья
Отцу не пришлось дожить.

У Леньки в глазах блеснула
Непрошенная слеза.
Он, скрипнув зубами, молча
Отер рукавом глаза.

И снова пришлось майору
Как в детстве, ему сказать:
— Держись, мой мальчик: на свете
Два раза не умирать.
Ничто нас в жизни не может
Вышибить из седла!
Такая уж поговорка
У майора была.

А через две недели
Шел в скалах тяжелый бой,
Чтоб выручить всех, был должен
Кто-то рискнуть собой.
Майор к себе вызвал Леньку,
Взглянув на него в упор.
— По вашему приказанью
Явился, товарищ майор.

— Ну, что ж, хорошо, что явился,
Оставь документы мне.
Возьмешь с собою радиста,
Рацию на спине.
И через фронт, по скалам,

Ночью в немецкий тыл
Пройдешь по такой тропинке,
Где никто не ходил.

Будешь оттуда по радио
Вести огонь батарей.
Ясно? — Так точно, ясно.
— Ну так иди скорей.
Нет, погоди немножко, —
Майор на секунду встал,
Как в детстве, двумя руками
Леньку к себе прижал:
— Идешь на такое дело,
Что трудно придти назад.
Как командир тебя я
Туда посылать не рад.
Но как отец... Ответь мне:
Отец я тебе иль нет?
— Отец, — сказал ему Ленька
И обнял его в ответ.

— Так вот, как отец, раз вышло
На жизнь и смерть воевать,
Отцовский мой долг и право —
Сыном своим рисковать;
Раньше других я должен
Сына вперед посылать.
Держись, мой мальчик: на свете

Два раза не умирать.
Ничто нас в жизни не может
Вышибить из седла!
Такая уж поговорка
У майора была.
— Понял меня? — Все понял.
Разрешите идти? — Иди!
Майор остался в землянке,
Снаряды рвались впереди.

Где-то гремело и ухало,
Майор следил по часам,
В сто раз ему было б легче,
Если бы шел он сам.
Двенадцать... Сейчас, наверно,
Прошел он через посты.
Час... Сейчас он добрался
К подножию высоты.
Два... Он теперь, должно быть,
Ползет на самый хребет.
Три... Поскорей бы, чтобы
Его не застал рассвет.
Деев вышел на воздух —
Как ярко светит луна,
Не могла подождать до завтра,
Проклята будь она!

Всю ночь, шагая как маятник
Глаз майор не смыкал,

Пока по радио утром
Донесся первый сигнал:
— Все в порядке, добрался.
Немцы левей меня,
Координат — три, десять,
Скорей давайте огня!

Орудия зарядили,
Майор рассчитал все сам,
И с ревом первые залпы
Ударили по горам.
И снова сигнал по радио:
— Немцы правей меня,
Координат — пять, десять,
Скорей еще огня!

Летели земля и скалы,
Столбом поднимался дым,
Казалось, теперь оттуда
Никто не уйдет живым.
Третий сигнал по радио:
— Немцы вокруг меня,
Бейте — четыре, десять,
Не жалейте огня!

Майор побледнел, услышав:
Четыре, десять — как раз
То место, где его Ленька

Должен сидеть сейчас.
Но, не подавши виду,
Забыв, что он был отцом,
Майор продолжал командовать
Со спокойным лицом:

— Огонь! — летели снаряды.
— Огонь! Заряжай скорей!
По квадрату четыре, десять
Било пять батарей.
Радио час молчало,
Потом донесся сигнал:
— Молчал: оглушило взрывом.
Бейте, как я сказал.
Я верю, свои снаряды
Не могут тронуть меня.
Немцы бегут, нажмите,
Дайте море огня!
И на командном пункте,
Приняв последний сигнал,
Майор в оглохшее радио,
Не выдержав, закричал:

— Ты слышишь меня, я верю:
Смертью таких не взять,
Держись, мой мальчик: на свете
Два раза не умирать.
Никто нас в жизни не может

Вышибить из седла!
Такая уж поговорка
У майора была.

В атаку пошла пехота —
К полудню была чиста
От убегавших немцев
Скалистая высота.
Всюду валялись трупы,
Раненый, но живой
Был найден в ущелье Ленька
С обвязанной головой.

Когда размотали повязку,
Что наспех он завязал,
Майор поглядел на Леньку,
И вдруг его не узнал:
Был он все тот же, прежний,
Спокойный и молодой,
Все те же глаза мальчишки,
Но только... совсем седой.

Он обнял майора, прежде
Чем в госпиталь уезжать:
— Держись, отец: на свете
Два раза не умирать,
Ничто нас в жизни не может
Вышибить из седла!

Такая уж поговорка
Теперь у Леньки была...

Вот такая история
Про славные эти дела
На полуострове Среднем
Рассказана мне была.
И при свече в землянке
В ту ночь мы подняли тост
За тех, кто в бою не дрогнул,
Кто мужественен и прост!
За то, чтоб у этой истории
Был счастливый конец,
За то, чтобы выжил Ленька,
Чтоб им гордился отец,
За бойцов, защищавших
Границы страны своей,
За отцов, воспитавших
Достойных их сыновей!

А вверху, над горами,
Все так же плыла луна,
Близко грохали взрывы,
Продолжалась война.
Трещал телефон, и, волнуясь,
Командир по землянке ходил,
И кто-то так же, как Ленька,
Шел к немцам сегодня в тыл.

СЕКРЕТ ПОБЕДЫ

Посвящается истребителю Николаю ТЕРЕХИНУ

Есть такие ребята,
Любимые сыновья:
Когда они учатся в школе,
Их любит своя семья,
Когда начинают работать,
Их любит родной завод,
Когда они вырастают,
Их узнает народ.

Если такой уж дружит, —
То до смерти, до конца;
Если уж он дерется,—
То не опустив лица;
Если в беду попал он,-
Все равно он идет вперед,
Если уж погибает,—
И врага в могилу берет.

Был Николай Терехин
Одним из таких ребят,

Которым легче погибнуть,
Чем отступить назад.
Однажды, едва светало,
Надвинув шлем на бегу,
Он вылетел по тревоге
Наперерез врагу.

Врагов налетело много,
Но нашим не привыкать.
Досталось ему на долю
Три «Юнкерса» отогнать.
Терехин пошел за первым,
Догнал его на лету,
Пристроился поудобней
К «юнкерсову» хвосту,

Всадил ему с маху очередь,
Одну и еще одну,
Чтоб черный корабль пиратов
Послать, наконец, ко дну.
Но, видно, был враг упорен,
Ко дну идти не хотел,—
Весь дымясь от пробоин,
«Юнкерс» еще летел.

Терехин зашел поближе,
Так, чтоб наверняка,

И черный стервятник рухнул
Книзу, под облака.
Но двое еще осталось,
Они уже вдаль ушли,
Клубилось под ними поле
В черных столбах земли.

Они пошвыряли бомбы
Куда попало, в овраг,
Но нам и за эти бомбы
Кровью заплатит враг.
Но пулемет, как назло,
Вздрогнул и замолчал:
По первому самолету
Терехин все расстрелял.

Ни одного патрона
Нет у него с собой.
По всем военным уставам,
Это уже не бой.
Но когда, по машине
Вдруг стрелять перестав,
Ты видишь, как враг уходит
Тут можно забыть устав.

Терехин короткой тенью
На крыльях врага повис
И, рассчитав паденье,

А ночью сказал ребятам:
— Как нам фашистов бить?
В чем наш секрет победы?
В том, чтоб упрямым быть,
В том, чтобы, как ни худо,
Назад ни на полшага!
И если уж думать о смерти,
То только о смерти врага.

У храбрых есть только бессмертье,
Смерти у храбрых нет.
Не хочешь смерти — будь храбрым!
Вот вам и весь секрет.

ПРЕЗРЕНИЕ К СМЕРТИ

Памяти наводчика Сергея ПОЛЯКОВА

Кругом гремел горячий бой,
Шли танки с трех сторон.
Но все атаки отражал
Наш первый батальон.
Ребята все как на подбор,
Настойчивый народ.
Такой в бою скорей умрет,
А с места не сойдет.
Пускай весь день жесток огонь
Двух танковых полков,
Но не к лицу в бою бойцу
Считать своих врагов.
Сначала нужно их убить —
Вот наш долг и честь!
А после боя время есть
И мертвыми их счесть.

— Сперва убьем, потом сочтем,
Закон у нас таков,—
Так говорил своим друзьям
Наводчик Поляков.
Сережа Поляков — хитрец,
Из тульских кузнецов,
Веселый парень и храбрец,
Храбрец из храбрецов.
Он и в походе, и в бою,
И ставши на привал,
Сноровку тульскую свою
Нигде не забывал.
Уж если пушку от врага
Замаскирует он,
Не увидать за два шага
Ее со всех сторон.
Стрельнет и перейдет, стрельнет
И перейдет опять.
Как будто пушка не одна —
По крайней мере пять.
А враг все ближе подходил..
Всего пятьсот шагов...
Но не привык считать врагов
Наводчик Поляков.
— Пускай крепка у них броня,
Пускай идут они.
В груди есть сердце у меня
Покрепче их брони.

Из стали скованы сердца
У нас, большевиков,—
Так говорил своим друзьям
Наводчик Поляков.
А враг все ближе подходил,
Но, позабыв о нем,
Сережа Поляков шутил
Под вражеским огнем.
— Смотри, бандит один горит! —
Кричит ему боец.
— Еще собьем, потом сочтем
Все вместе подконец.
— Смотри, бандит еще горит! —
Кричит боец опять.
— Давай снаряд, раз два горят,
Светлее третий брать.
— Еще, смотри, подходят три!
— Ну, что же, ничего.
Чем ближе он со всех сторон,
Тем легче бить его.
Четыре раза танков ждал наводчик
Поляков,
Четыре раза подпускал он их на сто
шагов,
Четыре раза посылал им прямо в лоб
снаряд,
Четыре танка в темноте вокруг него
горят.

Он все снаряды расстрелял.
Всего один в стволе,
Но ведь недаром мы стоим
На собственной земле!
И если есть один снаряд,
Чтоб бить наверняка,
Поближе надо подпустить
Последнего врага.
А тот уж в сорока шагах.
— Стреляй! — кричит боец.
— Постой, пусть ближе подойдет
Тогда ему конец.
И ровно с двадцати шагов,
Гранатою в упор,
Закончил с танком Поляков
Последний разговор.
Разбил он пушку у врага,
Заклинил пулемет,
Но был еще механик жив,
И танк прошел вперед.
С размаху на орудье он
Наехал с трех шагов.
Так на посту своем погиб
Наводчик Поляков.
Над ним пылал разбитый танк
Кругом другие жгли,
И, немцам заходя во фланг,
На помощь наши шли.

Надолго был задержан враг,
Пять танков — пять костров.
Учись, товарищ, делать так,
Как сделал Поляков!

Учись, как нужно презирать
Опасности в бою,
И, если надо, — умирать
За Родину свою.

Опять всю ночь над нами крутит вьюга,
И в скалах эхо выстрелов гремит.
Но день придет: от Севера до Юга
Крылатая победа пролетит!

Мы верим, что среди друзей московских
Еще пройдем по площадям твоим,
В молчании еще у стен кремлевских
Мы, слушая куранты, постоим.

В твоих стенах еще, сойдясь с друзьями,
Победный тост поднимем над столом.
И павших, тех, что нет уж между нами,
Мы благодарным словом помянем!

Мы верим в это! Мы сидим в землянке,
Снег заметает мерзлую траву.
Нам не до сна. Свеча чадит в жестянке,
Мы слушаем по радио Москву...

СЛОВО МОРЯКА

Посвящается морякам Черноморского флота

Я пять лет служил во флоте,
Суши не видал.
Редко по своей охоте
О земле скучал.
Но сейчас такое дело —
Под Одессой враг.
И идет на битву смело
Молодой моряк.
Если уж сойдет на сушу
Паренек такой,
Из румын он вынет душу,
Чорт их упокой.
Так сказали, провожая,
Мне мои друзья,
И махнул им, уезжая,
Бескозыркой я.

Мы в бушлатах с Черноморья
Шли, как черный вал.
«Черной хмарой» после боя
Нас румын прозвал.
Но велят для маскировки
Нам бушлаты снять.
К новой форме без споровки
Трудно привыкать.
Гимнастерки, скатки, фляжки,
Но, суля грозу,
Черноморские тельняшки
Подо всем внизу.
Как рванешь в атаке ворот,
Тельник бьет в глаза,
Словно защищает город
Моря полоса.
Мы идем на бой кровавый,
Подставляем грудь,
Черноморской нашей славой
Озаряя путь.
Восемь раз я всем отрядом
В бой водил ребят,
На девятый — где-то рядом
Угодил снаряд.
Я вперед рванулся телом,
Но в глазах темно,
На тельняшке синей с белым
Красное пятно.

Пусть пройдет в последнем взоре
Все, что знал моряк.
Белый свет, да сине-море,
Да багровый стяг.
Я лежу в бинтах у хаты.
Рана жжет меня,
Но вперед идут ребята,
Не боясь огня.
И врагам моим на горе
Белый свет стоит,
И вверху над синим морем
Красный флаг шумит.

ПИСЬМО В МОСКВУ

Я не помню, сутки или десять
Мы не спим, теряя счет ночам.
Вы в похожей на Мадрид Одессе
Пожелайте счастья москвичам.

Днем по капле нацедив баклажки,
Сотый раз переходя в штыки,
Разодрав кровавые тельняшки,
Молча умирают моряки.

Ночью бьют орудья корпусные...
Снова мимо. Значит, в добрый час.
Значит, Вы и в эту ночь в России,
Что Вам стоит, вспомнили о нас.

Может, врут поверья, кто их знает,
Но в Одессе люди говорят:
«Тех, кого в России вспоминают,
Пуля трижды бережет подряд».

Третий раз нам всем еще не вышел,
Мы под крышей примостились спать,
Не тревожьтесь — ниже или выше,
Здесь ведь все равно не угадать.

Мы сегодня выпили, как дома,
Коньяку московский мой запас;
Здесь ребята с Вами незнакомы
Но с охотой выпили за Вас.

Выпили за свадьбы золотые,
Может, еще будут чудеса...
Выпили за Ваши голубые,
Дай мне бог увидеть их, глаза.

Помню, что они у Вас другие,
Но ведь у солдат во все века,
Что глаза у женщин голубые,
Принято считать издалека.

Мы Вас просим, я и остальные,
Лучше чем напрасная слеза,
Выпейте вы тоже за стальные
Наши, смерть видавшие, глаза.

Может быть они у нас другие,
Но ведь у невест во все века,
Что глаза у всех солдат стальные,
Принято считать издалека.

Мы не все вернемся, так и знайте.
Но ребята просят, в черный час
За одно со мной их вспоминайте,
Даром, что ли, пьют они за Вас!

МЫ ВОЗВРАЩАЕМСЯ!

1. ТОВАРИЩ

Вслед за врагом пять дней, за пядью пядь,
Мы по пятам на Запад шли опять.

На пятый день под яростным огнем
Упал товарищ, к Западу лицом.

Как шел вперед, как умер на бегу,
Так и упал и замер на снегу.

Так широко он руки разбросал,
Как будто разом всю страну обнял.

Казалось, он, отдавший жизнь в бою,
И мертвый землю не отдаст свою.

Мать будет плакать много горьких дней,
Победа сына не воротит ей.

Но сыну было—пусть узнает мать —
Лицом на Запад легче умирать.

2. ДОРОГА

Дорога стала не такой,
Какой видал ее в июле,
Как будто сильною рукой
Мы вспять ее перевернули.

Попрежнему багров закат
И черны уголья пожарищ,
Попрежнему пожары хат
Нам освещают путь, товарищ

Еще все так же путь жесток
Но беженцы уже не плачут,
На Запад, а не на Восток
Возы со скарбом их маячат.

Мы им в тылу, среди невзгод
Уже пристанища не ищем,
Они идут вперед, вперед,
Вперед, к родимым пепелищам

У них в ногах клубится прах
Испепеленного селенья,
Но вместо слез горит в глазах
Одна сухая горечь мщенья.

Крестьянами окружены,
Два немца пойманы у дома,
В дрожащих пальцах зажжены
Колючие пучки соломы

Их молча ставят у плетня,
За кровь, пожарища и раны
Им платят вспышками огня
Из партизанского нагана.

Они лежат в чужом снегу
С машиной, брошенною рядом,
И женщины в лицо врагу
Плюют, окинув гневным взглядом

Но бой еще зовет, зовет,
Еще пройти осталось много.
И армия идет вперед,
По пламенеющим дорогам.

Идет по скользким глыбам льда
Сквозь снег, сквозь гари черный запах
Но не устанет никогда
Тот, кто вперед пошел, на Запад!

3. ВОСПОМИНАНИЕ

Сейчас, когда по выжженным селеньям
Опять на Запад армия пошла,
Я вижу вновь июньские сраженья,
Еще не отомщенные дела.

Майор привез мальчишку на лафете.
Погибла мать. Сын не простился с ней.
За десять лет, на том и этом свете,
Ему зачтутся эти десять дней.

Его везли из крепости, из Бреста.
Был исцарапан пулями лафет.
Отцу казалось, что надежней места
Отныне в мире для ребенка нет.

Майор был ранен, и разбита пушка.
Привязанный к щиту, чтоб не упал,
Прижав к груди заснувшую игрушку,
Седой мальчишка на лафете спал.

Мы шли ему навстречу из России.
Проснувшись, он махал войскам рукой...
Ты говоришь, что есть еще другие,
Что я там был и мне пора домой...

Ты это горе знаешь понаслышке,
А нам оно оборвало сердца —
Кто раз увидел этого мальчишку,
Домой придти не сможет до конца.

Я должен видеть теми же глазами,
Которыми я плакал там, в пыли,
Как тот мальчишка возвратится с нами
И поцелует горсть своей земли.

За все, чем мы с тобою дорожили,
Призвал нас к бою воинский закон.
Мой дом теперь не там, где прежде жили,
А там, где отнят у мальчишки он.
. . . .

За тридевять земель, в горах Урала,
Твой мальчик спит. Испытанный судьбой,
Я верил: мы во что бы то ни стало
В конце концов увидимся с тобой.

Но если нет,—когда придется свято
Ему, как мне, идти в такие дни,
Вслед за отцом, по праву, как солдату,
Прощаясь с ним, меня ты помяни.

А. СУРКОВУ

Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав от дождя их к увядшей груди.

Как слезы они вытирали украдкою,
Как вслед нам шептали: «господь вас спаси!»
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси.

Слезами измерянный больше чем верстами
Шел тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась.

Ты знаешь, наверное, все-таки родина —
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти поселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.

Не знаю, как ты, а меня с деревенскою
Дорожной тоской от села до села,

Со вдовьей слезою и с песнею женскою
Впервые война на проселках свела.

Ты помнишь, Алеша: изба под Борисовым,
По мертвому плачущий девичий крик,
Седая старуха в салопчике плисовом,
Весь в белом, как на смерть, одетый старик.

Ну, что им сказать, чем утешить могли мы их?
Но горе поняв своим бабьим чутьем,
Ты помнишь, старуха сказала: «родимые,
Покуда идите, мы вас подождем».

— Мы вас подождем! — говорили нам пажити,
— Мы вас подождем! — говорили леса.
Ты знаешь, Алеша, ночами мне кажется,
Что следом за мной их идут голоса.

По русским обычаям, только пожарища
По русской земле раскидав позади,
На наших глазах умирают товарищи,
По-русски рубаху рванув на груди.

Нас пули с тобою пока еще милуют,
Но, трижды поверив, что жизнь уже вся,
Я все-таки горд был за самую милую,
За горькую землю, где я родился.

За то, что на ней умереть мне завещано,
Что русская мать нас на свет родила,
Что, в бой провожая нас, русская женщина
По-русски три раза меня обняла.

ЖДИ МЕНЯ

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди.
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера,
Жди, когда из дальних мест
Письма не придут,-
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждут.

Жди меня, и я верчусь.
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,

Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино .
На помин души...
Жди, и с ними заодно
Выпить не спеши.

Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: повезло.
Не понять не ждавшим, им,
Как, среди огня,
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

ВЕЛИКОЕ СЛОВО

Друзья мои! Все, с кем сойдясь на час,
Всю жизнь живут, о них не забывая;
Все, с кем на жизнь и смерть повсюду нас
Сводила за год дружба фронтовая;

Товарищи, все, кто, стране верны,
Стать в трудный час солдатками сумели,
Все, кто впервые, в первый день войны,
Как я, шинель солдатскую надели,

И ты, конечно, ты, моя любовь,
Ты нежная, далекая, родная,
Которую в последний день я вновь,
Как всякий день, сегодня вспоминаю.

Да, мир жесток, и сломан наш уют,
И полземли горит в огне пожаров,
Но так же все на Спасской башне бьют
Часы двенадцать медленных ударов,

И тот же все, над грохотом атак,
Над вековой кремлевскою стеною,
В свободном небе самый гордый флаг
Горит над самой гордою землею.

Все вынесших, ничто нас не согнет,
В нас мужество взлелеяли походы,
В огне боев прожившим трудный год,
Нам этот год зачтется за три года.

Мы научились пламенно дружить
И слабодушье называть изменой.
Мы научились жизнь свою ценить,
И отдавать за дорогую цену.

Мы научились молча умирать —
Победы только кровью покупают.
Но если это смертью называть,
То что ж тогда бессмертьем называют?

Год сорок первый — год больших утрат,
Не раз мы с горем были в нем знакомы.
Не все из нас придут домой назад,
Не всех ушедших вновь дождутся дома.

Какое ж слово все-таки найти,
Чтоб было всех нужней оно и выше,
Чтоб всех, кто разлучен, под ним свести,
Как под одною новогодней крышей?

Да, мы нашли его! Да, вот оно,
Звучащее, как праздник и награда.
Пусть в этот день оно у нас одно:
Раз есть оно — нам слов других не надо.

Победа! — в дальнем Мурманске гремит...
Победа! — степь колышет под Ростовом...
Победа! — вот что нас соединит,
Всю нашу жизнь одним расскажет словом.

Как на мече, на нем соединим
Мы в дружной клятве крепнущие руки.
Мы в эти дни навек сроднились с ним
И никогда не будем с ним в разлуке.

С победой старый год перешагнем,
С победой дальше ринемся мы в новом.
Как первым словом, год мы им начнем
И им же кончим, как последним словом!

СОДЕРЖАНИЕ

